

ГЕНЕЗИС КУЛАЧЕСТВА В СИСТЕМЕ РОССИЙСКИХ АГРАРНЫХ ОТНОШЕНИЙ

В. П. Тихоньких

Переход от общинного уклада к индивидуальному укладу хозяйствования согласно аграрной реформы П. А. Столыпина неизбежно приводил к расслоению крестьянства на собственников, в том числе кулаков, и безземельных батраков. Столыпин обратился к капитализации деревни с опорой не только зажиточных крестьян, но и на кулаков. По его логике кулаки с их предприимчивой хваткой могли накопить достаточный капитал для выкупа помещичьих земель и внедрения передовых технологий в их обработку, в повышение продуктивности сельхозугодий, развитие торговли и банковского дела на селе. Однако кулаки по своей природе не могли стать фермерами, поэтому идея Столыпина о превращении кулаков в фермеров оказалась несостоятельной. Автор статьи рассматривает кулачество как паразитический класс сельской буржуазии сформировавшийся на основе использования нужды трудового крестьянства России. В основе существования которого лежало ростовщичество и беспощадная эксплуатация односельчан.

Ключевые слова: П. А. Столыпин, кулак, помещик, социальный класс, община, крестьянство, фермер.

Введение.

Аграрная реформа Столыпина имела две основные социально-экономические цели: сломать общинный уклад жизни и хозяйственной деятельности крестьянства во имя создания «эффективного хозяина» на земле и «вымыывания» из деревни «неэффективных» собственников, выдавливание их в города для того, чтобы создать рынок труда для развития индустриальной экономики. Переход от общинного уклада к индивидуальному укладу хозяйствования неизбежно приводил к расслоению крестьянства на собственников и безземельных батраков. Наиболее ярко это проявилось в период реформ Столыпина - в стремлении создать слой собственников, который якобы будет новой опорой власти при сохранении поместного землевладения, но именно он, прежде всего кулаки, был наиболее последовательной объективной силой заинтересованной в ликвидации поместья. Ошибочно было думать, что кулаки будут сотрудничать с помещиком и терпеть наличие рядом с собой хозяйство помещика. Именно кулак превращается в бескомпромиссного и беспощадного конкурента помещика. Если бедняка при-

влекала возможность раздела земли помещика, то кулака не только это, но и отсутствие господства помещика на селе.

Кулаками называли не тех, кто был богат, а тех, кто использовал труд батраков, то есть наемный труд и тех, кто занимался ростовщичеством на деревне. Кулак – это человек, который дает деньги в рост, скупает земли своих односельчан, затем сдает купленные земли в аренду постепенно обезземеливая крестьян, использует их в качестве наемной рабочей силы. Доходы кулаков являлись следствием избыточной и почти бесплатной рабочей силы в деревне. Они наживались исключительно на высокой степени эксплуатации крестьян, на отсутствии в деревне дешёвого кредита и малоземелья сложившегося системе российского землепользования на селе. Кулаки, как правило, не работали сами, имея всегда должников, которые отработывали свои долги в их хозяйстве. Потому кулаки не были заинтересованы в реформировании крестьянской общины, тем более в ее ликвидации.

Община противостояла не только помещику, но и кулаку, не только экономически, но и психологически. Среди

крестьян общины формировались духовно-нравственные представления, хозяйственная и социальная этика, исключавшие уважительное отношение к кулаку. В общинном сознании кулак представлялся «мироедом» и для этого имелись веские основания. Мироед в изначальном смысле тот, кто живет за чужой счет, то есть за счет мира, окружающих людей, населения. Другими словами, это тунеядец, трутень, дармоед, эксплуататор. В старину мироедами также называли ростовщиков и спекулянтов – перекупщиков, богатевших на людской нужде. Ростовщичество издревле у всех народов считалось делом постыдным и даже преступным, подрывающим государственную казну обесцениванием денег. Оно осуждается и религиозной моралью. Реформаторы хотя и осуждали кулачество, но настроения крестьянского мира не учитывали, скорее не могли его понять, в силу своего социального положения и видели в кулаке будущего фермера. Однако фермерство возникает на основе труда и производства, а не основе ростовщичества и тотальной эксплуатации.

Можно с полным основанием считать кулачество социальным классом паразитического характера, использовавшего нужду большинства русского крестьянства. Этот тезис подтверждается российскими исследователями второй половины XIX – начала XX вв. характеризующих кулаков как сельских предпринимателей, занятых в основном финансовыми операциями. Причем, очевидцы генезиса кулачества справедливо подчеркивали, что это были предприниматели эпохи первоначального накопления капитала, следствием чего являлись примитивизм и грубость направлений и методов их деятельности. Особо указывалось, что наиболее популярным и наиболее доходным занятием кулаков являлось ростовщичество. [8, с. 334].

Основная часть.

Говоря об эволюции кулачества в российской деревне, следует заметить,

что данный социальный класс появился не в одночасье и не на пустом месте. Предшественниками кулаков являлись кулачки, о которых на Руси было известно ещё в XVII столетии. Кулачик означает перекупщик. В социальном плане первые кулачки, скорее всего, являлись выходцами из посадского населения. Развитие товарно-денежных отношений обусловило трансформацию кулачков, но уже под именем «кулаки». В Словаре Академии Российской, который издавался в Санкт-Петербурге в период царствования Екатерины II, мы уже находим слово «кулак» [16, с. 114]. Итак, кулаки как социальный класс начали утверждаться в XVII в. – в конце XVIII века. В российских словарях XVIII-XIX веков кулаки выделяются в особый социальный слой, они не отождествляются с купцами, гостями, лавочниками, торговцами. Последние – совершенно самостоятельные, можно даже сказать исконные элементы русского торгового мира, о которых русскому человеку было известно с незапамятных времён [12, с. 28-39]. Уже в XVIII в. российские законодатели возмущались лихоимством городских и деревенских ростовщиков, именуя таковых «безсовестными грабителями» [18, с. 229].

Российский экономист Р. Э. Циммерман, писавший под псевдонимом Р. Гвоздев, изложил свои взгляды на роль кулака в народной жизни России. Как очевидец стремительного расширения и укрепления позиций кулачества во второй половине XIX в. и являющийся автором одной из первых специальных монографий об этом социальном феномене, обоснованно указывал, что предшественники кулаков действовали на селе задолго до отмены крепостного права. Гвоздев полагал, что «необходимость для крестьянина отчуждать продукты своего труда на рынок» при отсутствии возможности самому заняться продажей таковых, ведь, в условиях крепостничества систематически вывозить произведенную продукцию на продажу было для

земледельцев затруднительно, создали в деревне условия для возникновения и деятельности разного рода перекупщиков, посредников, торговцев-прасолов и т. п. [2]. Т. е. кроме субъективных факторов в деревне России существовали объективные условия появления кулачества как социального слоя.

О принудительном социальном расслоении крестьянства писал А. С. Пушкин в «Истории села Горюхина» (впервые опубликована в 1837, написана осенью 1830). Приказчик «потребовал опись крестьянам, разделил их на богачей и бедняков... Недостаточные и празднотлюбивые гуляки были немедленно посажены на пашню, если же по его расчету труд их оказывался недостаточным, то он отдавал их в батраки другим крестьянам» [13, с. 125-126].

Работы одних крестьян по принуждению у других односельчан имело место. Пушкин не употребляет термина кулак. Н. В. Гоголь в «Мертвых душах», напротив, пользуется им неоднократно, причем одновременно раскрывает его значение. «Кулак» – очень объемная характеристика, одна из главных, которой Гоголь награждает Собакевича: «Родился ли ты уж так медведем, или омедведила тебя захолустная жизнь, хлебные посевы, возня с мужиками, и ты через это сделался то, что называют человек кулак». Кулак у писателя не просто приземленный человек, но и стяжатель, рвач: «По два с полтиной содрал за мертвую душу, чертов кулак» [3, с. 96, 98].

Трактовка термина «кулак» в «Толковом словаре живого великорусского языка» (1863-1866) В. И. Даля отражала это словоупотребление первой половины XIX в. Вот как характеризует кулака Даль: «... Перекупщик, переторговщик, маклак, прасол, сводчик, особенно в хлебной торговле, на базарах и пристанях, сам безденежный, живёт обманом, обчётом, обмером» [5].

В «Настольном энциклопедическом словаре» 1896 г. «А. Гранат и Ко» кулак характеризуется как «... перекупщик,

маклак, особенно в хлебной торговле; в обыденной речи означает вообще человека, старающегося всякими неправдами нажить большие барыши; от этого значения слова кулак происходит слово кулачество или кулачничество, т. е. промысел кулака, перекупля, барышничество» [11].

Затем в понятии «кулак» появились более четкие черты. Кулаками стали называть крестьян, занимавшихся не только и не столько торговлей, причем не в столь мелочных масштабах, как это изображено у Даля, сколько ростовщичеством. Используя неразвитость рыночной инфраструктуры в пореформенной России, они устанавливали кабальные условия возврата денежных и натуральных ссуд, в т. ч. в форме отработок, а также крайне низкие цены на приобретаемые у односельчан сельхозпродукты. Отсюда бытовавшее в деревне образное, синонимичное определение кулака – «миroeд». Именно в данном значении термин «кулак» стал использоваться публицистами и аналитиками, которые так же, как и односельчане его не жаловали. Так, один из основателей сибирского областничества Н. М. Ядринцев характеризуя сибирского кулака, заявил, что «тип этот грубый и бессердечный, не доступен человеческим чувствам, справедливости и упорен в своей косности» [22, с. 73].

Западные представители, проживавшие в России, также дают негативную оценку кулакам. Ирландец, профессор Эмиль Диллон, в 1877-1914 гг. живший в России, пишет: «Из всех человеческих монстров, которых мне пришлось когда-нибудь встречать во время путешествия (по России), не могу вспомнить более злобных и отвратительных, чем кулак» [19]. Батраки у кулаков работали в рабских условиях, пишет Диллон, только для того, чтобы их семья выжила хотя бы ещё год. Пользуясь безвыходным положением своих соседей, кулаки мёртвой хваткой вцеплялись в горло бедняку.

Важно отметить, что в дореволюционной России исследователей, представителей власти и революционного движения серьёзно волновал вопрос о сходстве и различиях между зажиточным мужиком и кулаком-мироедом. Народники, которые много занимались исследованиями крестьянской общины, полагали, что различий между кулаком-мироедом и зажиточным мужиком всё же больше, нежели сходства между ними. В народнической литературе «кулак» и «хозяйственный мужик» рассматривались как противоположные и не связанные между собой типы сельской жизни, разные формы развития капитализма в деревне. Нараставшее аграрное перенаселение в центральных регионах России привело к обострению внутренних крестьянских социальных противоречий. В результате зажиточных крестьян народники стали отождествлять с ростовщиками и перекупщиками и обе группы стали называть кулаками.

В литературе народников имело место определённая идеализация русского крестьянина, сельской общины, стремление не замечать её усиливающееся разложение и одновременно раскрестьянивание сельского жителя. Тем не менее, народнические взгляды отражали объективное положение вещей и цивилизационное своеобразие русской деревни.

М. Е. Салтыков-Щедрин, воззрения которого были близки народническим, писал, что, на первый взгляд у мироедов и хозяйственных мужиков много общего, например, зажиточность. Но это только на первый взгляд. Писатель подчёркивал, что для «хозяйственного мужика» смыслом жизни является труд, для мироеда – нажива. Благополучие «хозяйственного мужика» держится, главным образом на сельскохозяйственном труде, в первую очередь земледелии, а благополучие мироеда на ростовщичестве, кабатчине. Причём мироеды обогащались путём обмана, спаивания («кровопивство») собственных односельчан. Ещё одним существенным отличием мироеда от

«хозяйственного мужика», по мысли автора, являлась эксплуатация кулаком наёмной рабочей силы: «Он (мироед) любит и холит землю, как настоящий крестьянин, но уже не работает сам, а предпочитает пользоваться дешёвым или даровым трудом кабальной «гольтепы» [14 с. 153].

Писатель особо выделяет различия между кулаком и «хозяйственным мужичком», несмотря на их внешнее сходство, имелись и большие отличия. Именно в них, как полагал Салтыков-Щедрин, лежал водораздел между «здоровой» и паразитической частью сельского общества. Что касается русской деревни, то в ней, как считал писатель, верх берут паразиты-мироеды, которых он именовал словом «чумазые». Он констатировал: «Чумазый вторгся в самое сердце деревни и преследует мужика и на деревенской улице, и за околицей. Обставленный кабаком, лавочкой и грошовой кассой ссуд, он обмеривает, обвешивает, обсчитывает, доводит питание мужика до минимума и в заключение вызывает к властям об укрощении людей, взволнованных его же неправдами. Поле деревенского кулака не нуждается в наёмных рабочих: мужик обработает его не за деньги, а за процент или в благодарность за «одолжение». Вот он, дом кулака! вон он высится тесовой крышей над почерневшими хижинами односельцев; издалека видно, куда скрылся паук и откуда он денно и ночью стелет свою паутину» [14, с. 98].

Как видно, характеристика данная кулаку в дореволюционных справочных изданиях и литературе далеко не лестная. Но несмотря на недоброжелательность широких слоев крестьянства и представителей власти, сельские предприниматели-ростовщики чувствовали себя вполне уверенно.

Начальные этапы генезиса кулачества как корпорации сельских ростовщиков эпохи первоначального накопления капитала следует датировать XVIII – первой половиной XIX вв., то есть еще до

отмены крепостного права. Рождение же классических кулаков связано с Великими реформами 1860-х – 1870-х гг. и, конечно, в первую очередь с Манифестом Александра II от 19 февраля 1861 г., круто изменившим жизнь российской деревни. Государственный деятель И. Ф. Кош-ко утверждал в 1899 г., что крестьянская реформа привела к доминированию в деревне кулака [7, с. 317-318].

Генезис данного слоя крестьянства описал современный исследователь А. В. Гордон: «Продолжая дореформенную практику кустарных промыслов и отходничества, удачливые крестьяне (а к ним присоединилась и крепостная верхушка, бурмистры, старосты) заводили собственное, обычно торговое дело. Возвращаясь в деревню, доходы от подобного рода занятий принимали форму торгово-ростовщического капитала, который на ранних этапах коммерциализации аграрной сферы занял монопольное положение» [4, с. 233].

Известно, что со времени освобождения крестьян и по мере ослабления, оскудения помещичьего стародворянского элемента, масса помещичьих имений и земель перешла в руки купцов, мещан и вообще всяких разночинцев. В большинстве случаев покупателями или арендаторами помещичьих, или съёмщиками государственных земель являются те же, уже более или менее разжившиеся, кулаки, – имеющие в виду при этом ничто иное, как те же цели спекуляции или дальнейшей наживы за счёт, сперва естественных богатств купленного или арендованного имения, а потом за счёт окрестного сельского населения, которое при этом ещё скорее и ещё вернее поступает к ним в кабалу. Цели кулаков: спекуляция землёй и нажива за счёт закабалённого крестьянства.

Концентрация земельной собственности в руках кулаков началась сразу после отмены крепостного права. «Отрезки» стали постепенно переходить к кулакам. Скупая «отрезки», имея на руках относительно небольшой капитал,

кулаки быстро обогащались. Сельские общины вынуждены были брать данные участки у кулаков в аренду, расплачиваясь с ними по большей части натуральными отработками. Малоземелье и избыток сельских трудовых ресурсов позволяли кулакам широко эксплуатировать российскую деревню. Наиболее эффективным способом наживы стали деньги, в которых крайне нуждались крестьяне. Нехватка финансовых средств заставляла крестьян идти к кулаку, который давал денежные ссуды под высокие проценты, залог имущества, скота, либо возвращать долг натуральными отработками. Особенно популярным и наиболее доходным занятием кулаков по-прежнему являлось ростовщичество [8, с. 106-109].

Вот что писал Министр земледелия и государственного имущества А. С. Ермолов в 1892 году о ростовщичестве кулаков: «...развилась страшная язва нашей сельской жизни, в конец её растлевающая и уносящая народное благосостояние, – это так называемые кулачество и. Только сельский ростовщик, обеспечивающий себя громадными процентами, ростовщичество вознаграждающими его за частую потерю самого капитала, приходит ему на помощь в случаях такой крайней нужды, но эта помощь, конечно, дорого обходится тому, кто к ней раз обратился. Однажды задолжав такому ростовщику, крестьянин уже почти никогда не может выбраться из той петли, которою тот его опутывает и которая его большею частью доводит до полного разорения. Нередко крестьянин уже и пашет, и сеет, и хлеб собирает только для кулака. Так, в летнее время, особенно в виду благоприятного урожая, ссуда даётся не более, как из 45-50% годовых, осенью те же кредиторы требуют уже не менее 120%, а иногда и до 240%, причём очень часто обеспечением служит залог крестьянских душевых надёлов, которые сами владельцы арендуют потом у своих же займодавцев. Иногда земля, отобранная займодавцем за долг

по расчёту 3-4 р. за десятину, обратно сдаётся в аренду владельцу её за 10-12 рублей. Местами, обязательные работы крестьян-должников на кулака-кредитора принимают характер совершенной барщины, ещё гораздо более тяжёлой, нежели прежняя господская, потому что в прежнее время помещики были заинтересованы в сохранении благосостояния своих крестьян, теперешнему же кулаку-кредитору до них никакого дела нет. Такова еще одна темная сторона нашей современной сельской жизни, в которой, наряду с возрастающей бедностью крестьян, получают все больший простор алчные стремления описанных выше хищников, большая часть которых, – надобно сказать правду – вышла из среды тех же крестьян...» [6, с. 179-190].

Помещик А. Н. Энгельгардт также утверждал, что «все у кулака держится не на хозяйстве, не на труде, а на капитале, на который он торгует, который раздает в долг под проценты» [20, с. 387].

Показательно, что в названиях специальных работ по данной тематике термины «кулак» и «ростовщик» нередко соседствовали [2, с. 21].

Источники доходов и укрепления экономического могущества кулаков в пореформенной деревне были различны. Тот же Гвоздев указывал на чрезвычайно разностороннюю деятельность кулачества: «кулак, подобно хамелеону принимает чрезвычайно разнообразные формы и даже, более того, постоянно меняет свою деятельность, смотря по той экономической атмосфере, среди которой ему приходится существовать и действовать. Он является то арендатором частновладельческой земли, дробит ее на участки и передает их крестьянам, то мы его встречаем во главе промысловой артели..., то он фигурирует в качестве скупщика кустарных изделий, хлеба, скота, крестьянского инвентаря, не брезгуя даже торговлей билетами воспитанников Воспитательного дома, то мы сталкиваемся с ним в образе деревенского ростовщика, распорядителя дела-

ми ссудо-сберегательного товарищества, лавочника, отпускающего продукты в долг и т. д.» [2, с. 1].

Численность кулаков резко увеличилась после отмены крепостного права, когда российские земледельцы получили личную свободу, но не землю как основной источник их благосостояния. Выгодны для кулаков были и арендные операции земли у помещиков. Арендванная кулаками земля помещиков сдавалась в субаренду окрестному крестьянскому населению и тем, увеличивая собственные доходы. У крестьян дореформенной и, особенно, пореформенной деревни, обычно не было иного выхода, кроме как обращаться к услугам кулака. Ведь, после разорительных земельных «отрезков» 1861 г. у общинников часто просто не было средств для их выкупа.

Энгельгардт, сделавший своё хозяйство образцовым, наблюдая жизнь крестьян, писал о кулаках арендаторах земель помещиков следующее: «Такие арендаторы сами обыкновенно не работают, да и работать не умеют, живут вроде маленьких панков, капиталов не имеют, а если и имеют, то к хозяйству не прилагают, ни знаний, ни образования не имеют и даже с этой стороны не могут усиливать производительности. Всё их дело заключается в выжимании сока из мужиков. Хозяйство этих арендаторов ведётся самым рутинным образом, обыкновенно соединено с торговлей, разным маклачеством, деревенским ростовщицеством и прочими атрибутами разжившегося простого русского человека. Никакого хозяйственного прогресса в таких хозяйствах не видно, всё старание прилагается к тому, чтобы по возможности вытянуть из имения всё, что можно». «Обыкновенно частные арендаторы во все не хозяева, а маклаки, кулаки, народные пиявицы, люди, хозяйства не понимающие, земли не любящие, искры божьей не имеющие» [20, с. 309-311].

Арендными операциями занимались и кулаки в казачьих станицах Дона и Кубани, не знавших крепостного

права. В условиях развития капитализма часть казаков обеднела, так как сословные привилегии: право бесплатного пользования землей, освобождение от налогов уже не окупали затрат при несении военной службы. Затраты же были велики, ибо, как известно, казак приобретал все необходимое для службы на собственные средства. Кроме того, увеличение численности казачьего населения закономерно вело к сокращению земельного пая, полагавшемуся каждому казаку мужского пола. Тогда-то казакам приходилось прибегать к аренде, посредниками при которой выступали все те же вездесущие кулаки, наживавшиеся за счет высоких цен и разорения казачьей бедноты. Здесь нельзя не согласиться с категоричными утверждениями советских исследователей о том, что «для казаков-кулаков, беспощадно эксплуатировавших казаков-бедняков, арендные спекуляции казачьими земельными паями стали источником паразитического обогащения» [9, с. 21].

Добавим лишь, что в казачьих регионах Юга России кулаками, то есть сельскими предпринимателями, перекупщиками, ростовщиками, зачастую становились не сами казаки, а представители иногороднего населения. Так, на Кубани в 1917 г. свыше половины предпринимательских хозяйств были иногородними [10, с. 18]. В значительной мере, данное обстоятельство порождалось тем, что иногородние, в отличие от казаков, земли не имели и вынуждены были заниматься не хлебопашеством, а ремеслами, торговлей и скупкой земельных угодий.

Во многом обусловленное кулацким лихоимством разорение крестьян и разрушение общины имело своим неизбежным результатом подрыв сельского хозяйства и снижение налоговых поступлений в государственную казну. Вопреки характерным для советской историографии утверждениям о тождественности интересов царской администрации и кулаков, следует отметить, что кулацкие

махинации беспокоили и представителей власти. Законодательство пореформенной России не жаловало кулаков-ростовщиков. Согласно ст. 180 «Устава о наказаниях», лица, занимающиеся скупкой у крестьян хлеба «на корню, снопами или зерном» по несоразмерно низкой цене и заведомо воспользовавшись «крайне тягостным положением продавца», в первый раз подвергались наказанию в виде ареста на срок до 3 месяцев, в случае рецидивов – тюремному заключению до 6 месяцев и обязывались заплатить за купленные сельскохозяйственные продукты по реальной цене. Однако, репрессивные меры представляли собой борьбу со следствием финансовых махинаций кулаков-перекупщиков и ростовщиков, но не с причиной, каковой выступала резкая социальная поляризация сельского населения и массовое обеднение крестьянства в условиях ускоренного развития капиталистических, товарно-денежных отношений. Поэтому, эффективность таких мер была ничтожной. Современники справедливо констатировали, что, «как всякий паллиатив, оставляющий нетронутой причину недуга, полицейская борьба с кулачеством фактически остается более или менее безрезультатной» [21, с. 166].

Проблема кулачества волновала и Столыпина. Вот что он писал в Всеподданнейшем отчете саратовского губернатора за 1904 год императору: «В настоящее время более сильный крестьянин превращается обыкновенно в кулака, эксплуататора своих однообщественников, по образному выражению – мироеда. Вот единственный почти выход крестьянину из бедности и темноты, видная, по сельским воззрениям, мужицкая карьера. Если бы дать другой выход энергии, инициативе лучших сил деревни, если бы дать возможность трудолюбивому землеробу получить сначала временно, в виде искуса, а затем закрепить за ним отдельный земельный участок, вырезанный из государственных земель, или из

земельного фонда Крестьянского банка, причем обеспечена была бы наличием воды и другие насущные условия культурного землепользования, то наряду с общиной, где она жизненна, появился бы самостоятельный зажиточный поселянин, устойчивый представитель земли. Такой тип уже родился в западных губерниях, и он особенно желателен теперь, когда Вашему Императорскому Величеству стало благоугодно выслушивать голос земли через Государственную думу» [17, с. 50-52].

Кулачество к началу столыпинских реформ уже укоренилось в деревне. Это были люди, которые создали свой капитал на скупке и перепродаже сельхозпродукции, семян, земли и эксплуатации безземельных батраков. Они давали в рост деньги и семена, скупкой по дешевой цене, пользовались недостаточно развитой логистикой сбыта продукции крестьянского хозяйства. Так предоставляли финансовые кредиты не выгодные для крестьян, а также использовали кабальную оплату труда.

Под влиянием революционных событий 1905-1907 годов Столыпин пришел к выводу, что силовыми методами крестьянскую проблему не решить ее надо решать экономическими преобразованиями, прежде всего ликвидацией бедности основной массы русского крестьянства. В Речи о праве крестьян выходить из общины, произнесенной в Государственном Совете 15 марта 1910 года, Столыпин заявляет следующее: «Смута политическая, революционная агитация, приподнятые нашими неудачами, начали пускать корни в народе, питаясь смутой более серьезною, смуту социальною, развившейся в нашем крестьянстве. Отсюда естественный вывод-необходимость уничтожить первопричину...давая возможность крестьянству выйти из бедности, из невежества, из земельного нестроения» [17, с. 246].

Однако, сущность столыпинской аграрной реформы заключалась в насаждении капиталистического землевла-

дения за счет ликвидации крестьянской общины. Земли помещиков при этом не затрагивались. Было очевидным, что ликвидация общины приведет к раздроблению крестьянства и что лишь небольшая часть его сможет возвыситься до положения крепких хозяев. Основная часть крестьянства должна была разориться, перейти в батраки или уйти в город или прозябать в прежнем кабальном положении. Столыпина это мало интересовало. Он делал ставку, по его выражению, «не на убогих и пьяных, а на крепких и сильных, которые и явятся преградой для развития революционного движения. Реформатор мечтал о наступлении «тысячелетнего царства», когда помещичьи усадьбы будут окружены плотным кольцом крестьянских хуторов, которые станут защитным валом от «пугачевщины».

Аграрная реформа Столыпина при «опоре на сильного» была направлена на создание в России широкого класса мелких земельных собственников, «фермеров» по западному образцу. Аналогами фермерских хозяйств должны были стать хутора и отруба, которые рассматривались как альтернатива общинам. Цель реформы создание самостоятельного, зажиточного собственника, который бы стал «устойчивым представителем земли» и опорой государства и устойчивой социальной опорой монархии. Столыпин обратился к капитализации деревни с опорой не только зажиточных крестьян, но и на кулаков. По его логике кулаки с их предприимчивой хваткой могли накопить достаточный капитал для выкупа помещичьих земель и внедрения передовых технологий в их обработку, в повышение продуктивности сельхозугодий, развитие торговли и банковского дела на селе. Идея Столыпина состояла в превращении крестьян не в кулаков, а в собственников. Он ориентировался на идеал «крепкого» хозяйственного мужика. Который дорожит своим имуществом, извлекает из него максимум пользы и тем самым заинтересован

в незыблемости порядка. На принятии мер против концентрации земель в руках немногих настаивали сами губернаторы столыпинской администрации, кто поддерживал реформы и контролировал их ход на местах. Мерой направленной против роста силы и влияния кулачества на селе предусматривался запрет для основных губерний на переход укрепленных, то есть уже выделенных из общины земель, в размерах не более шести наделов в одни руки.

Результатом стало то, что столыпинская капитализация сельского хозяйства с опорой на «сильного» оживила рост кулацкого элемента на селе. Внутренние крестьянские противоречия обострились. Крестьяне, недовольные сокращением общинного надела, крайне негативно относились к отрубникам и хуторянам, которых и марксисты, и нонародники определяли, как фермеров.

Кулаки мечтали прибрать к рукам землю своих главных конкурентов – помещиков, и готовы были использовать с этой целью любые средства, в том числе криминальные и революционные. Найти компромиссное решение этой проблемы, которое, сохранив для государственной власти поддержку помещиков, привлекло бы к ней симпатии сельской буржуазии, Столыпину не удалось. Очевидно, это вообще была задача неразрешимая с помощью реформирования. Основным недостатком реформы была сословно-политическая доминанта, сохранение помещичьего землевладения в неизменном виде, которое было непродуктивно, и это в конечном итоге, подрывала устои монархии. Здесь усматривается своеобразный парадокс реформ Столыпина, имея основной целью сохранения монархии, они вели монархию к гибели [1].

За годы революционного и военного лихолетья мировой и гражданской войн, приведшего к разрухе и фактическому безвластию в стране, кулачество не изменило своей сущности. Особенно в годы НЭПа. Ради барыша спекулянты

шли на всё, используя послабления НЭП. В стране стали процветать уголовная преступность, коррупция и бандитизм. Деревня не могла избежать этого влияния, хотя наряду с деревенскими кулаками-миroeдами многие крестьянские семьи увеличивали свое состояние, следуя вековым патриархальным семейным и общинным обычаям или ценностям. Спустя десятилетие после незавершенных реформ Столыпина, советская власть была вынуждена продолжить борьбу с кулачеством.

Заключение.

Стремление обратить Россию в страну мирных крестьян-собственников пришло в конфликт с реально шедшей в деревне капиталистической концентрацией земли в отдельных частных хозяйствах. Административное разрушение общины подстегнуло развитие буржуазных отношений в деревне. Столыпинская реформа, будучи по замыслу аграрной реформой, имела вместе с тем политический характер. Отсюда неизбежные конфликты внутри ее политической модели. Разрушая общину, Столыпин надеялся административно отрегулировать социальные перекосы землеустройства в сельском хозяйстве России.

В трудах отдельных дореволюционных исследователей присутствовала мысль, что кулаки сегодня явление отрицательное, но со временем они могут превратиться в эффективных предпринимателей, занимающихся производством. История показала, что эти мечты не сбылись. В царской России кулак не стал фермером. Кулацкие хозяйства процветали за счёт избыточных трудовых ресурсов в деревне, малоземелья и безземелья крестьян, а также усиливавшегося разорения помещичьих хозяйств. Негативным следствием стало, то, что характер ведения хозяйства кулаками препятствовали развитию товарно-денежных отношений в деревню, ибо кулаки консервировали самые отсталые формы производственных отношений, предпочитая пользоваться отработками крестьян в своём

хозяйстве, то есть, по сути, используя барщинную форму феодальной повинности. Попытка законодательно ограничить кулачество при одновременном расчете опереться на крепкого хозяина было утопией. Кулак не мог отказаться от дармового труда и стать фермером, когда он должен был сам работать и рисковать обанкротиться. Бедняк, который уже был лишен собственности, не имел перспективы стать хозяином.

Аграрная реформа окончательно развязала руки деревенскому кулачеству. Наряду скупкой земель помещиков кулаки стали скупать земли у своих односельчан, главным образом у тех крестьян, кто подолгу жил в городе. В итоге, кулаки сконцентрировали в своих руках большую земельную собственность, выступая на внешнем рынке вместе с помещичьими хозяйствами крупными экспортёрами зерна. Одновременно кулаки освобождались от всех материальных и социальных обязательств перед «миром», формально сохраняя в нём своё участие, для контроля над общественной жизнью деревни. Естественно, что никакого энтузиазма подобные пертурбации у крестьян не вызывали, а усиливали ненависть к мироедам. В деревнях была популярна общенародная забава «утопи кулака в пруду» с весьма красноречивым исходом. Дабы обезопасить себя от гнева народного, кулаки начали обзаводиться подручными - подкулачниками, кои набирались из должников, которые ради своей личной выгоды, готовы были тиранить своих собратьев или просто из

«лихих людей», превращаясь, по сути, в сельские организованные преступные сообщества. Общественные и политические деятели пытались обратить на это внимание, но не имели успеха. К тому же кулаки имели поддержку у части местных властей, имеющих от них материальную выгоду.

Только во время коллективизации существованию кулачества был положен предел. Необходимо отделить понятие кулачества до революции и понятия кулачества в период коллективизации, когда в кулаки записывались все, кто имел достаток или те, кто не хотел идти в колхозы. В 1930-х гг. «кулаками» объявлялись уже не только торговцы и ростовщики, но и масса зажиточных крестьян и даже середняков и бедняков, если таковые расценивались большевиками как противники социалистического пути развития и были против колхозов, что превратило «раскулачивание» в трагедию российского крестьянства.

Кулачество в этот исторический период оценивалось идеологически как класс враждебный советской власти, способный порождать буржуазные отношения в деревне. Конечно, в их среде были и настоящие кулаки. В столыпинских вагонах, предназначенных когда-то для переселенцев, в ссылку на этот раз насильно отправились сотни тысяч крепких крестьян с семьями, попавшие в списки кулаков, кто-то по невежеству, а кто-то и по злему умыслу комбедовских активистов.

Список источников и литературы

1. Аврех А. Я. П. А. Столыпин и судьбы реформ в России. – Москва: Политиздат, 1991. – 285 с.
2. Гвоздев Р. Кулачество-ростовщичество, его общественно-экономическое значение. – Санкт-Петербург: Н. Гарин, 1898. – 161 с.
3. Гоголь Н. В. Мертвые души. Поэма. – Москва: Московский рабочий, 1982. – 382 с.
4. Гордон А. В. Формирование хозяйствующей личности в пореформенной российской деревне и отражение этого процесса в современной литературе // Зажиточное крестьянство России в исторической ретроспективе: Материалы XXVII сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. – Вологда, 2000. – 428 с.
5. Толковый словарь русского языка: современное написание / В. И. Даль. – Москва: АСТ, 2007. – 759 с.

6. *Ермолов А. С.* Неурожай и народное бедствие. – Санкт-Петербург: Типография В. Киршбаума, д. Министерства Финансов, на Дворцовой площади, 1892. – 271 с.
7. *Кошко И. Ф.* Мелкий народный кредит как могучее средство борьбы с обеднением нашего крестьянина // Кошко И. Ф. Воспоминания губернатора. Пермь (1911-1914) / Сост. Н. Г. Павловский. – Екатеринбург: Демидовский институт, 2007. – С. 317-318.
8. *Левакин А. С.* О генезисе и социальной сущности кулачества в российской деревне (XVIII – начало XX вв.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение Лучшие речи. – Москва: АСТ, 2022. – 448 с.
9. Ленинский путь донской станицы. – Ростов н/Д: Кн. изд-во, 1970. – 275 с.
10. *Матюшенко П. П., Ратушняк В. Н.* Сельскохозяйственная и земельная перепись 1917 г. как источник социально-экономической характеристики сельского населения Кубани накануне социалистической революции // Октябрьская революции и изменения в социальном облике сельского населения Дона и Северного Кавказа (1917-1929 гг.). Сб. науч. трудов. – Краснодар, 1984. – С. 13-42.
11. Настольный энциклопедический словарь. Т. IV. Издание с 4-го тома товарищества А. Гранат и Ко, бывшее Т-во А. Гарбель и Ко. – Москва, 1896. – 675 с.
12. *Перхавко В. Б.* Торговый мир русского средневековья в былинах // Отечественная история. – 2007. – № 6. – С. 28-39.
13. *Пушкин А. С.* Собрание сочинений: в 10-ти т. / А. С. Пушкин. Т.5. – Москва: Правда, 1981. – 446 с.
14. *Салтыков-Щедрин М. Е.* Мелочи жизни // Собр. соч. в 10-ти тт. Т.9. – Москва, 1988. – 558 с.
15. Словарь Академии Российской 1789 -1794: в 6 т. / Российская академия наук, Отделение литературы и языка, Московский гуманитарный институт им. Е. Р. Дашковой. Т. 1 – Москва: Изд-во МГИ им. Е. Р. Дашковой, 2001. – 685 с.
16. Словарь русского языка XI-XVII вв. / АН СССР. Ин-т русского языка; Редкол: С. Г. Бархударов (отв. ред. и др.). / Сост. Г. А. Богатова и др. – Москва: Наука, 1981. – 351 с.
17. *Столыпин П. А.* Полное собрание речей в Государственной думе и Государственном совете 1906-1911гг./ Предисловие К. Ф. Шацillo; Сост. комментарии Ю. Г. Фельштинского. – Москва: Молодая гвардия, 1991. – 411 с.
18. *Хромов П. А.* Очерки экономики феодализма в России. – Москва, 1957. – 368 с.
19. Кулак. Звериный тип человека как пропагандистский образ героя «Новой» России [электронный ресурс] // LiveJournal. – URL: <https://pbs990.livejournal.com/157326.html> (дата обращения: 24.04.2026).
20. *Энгельгардт А. Н.* Из деревни. 12 писем.1872-1887. Москва: Гос. изд-во сельскохозяйственной литературы, 1956. – 490с.
21. Энциклопедический словарь т-ва «Бр. А. и И. Гранат и К°» / Под ред. проф. В.Я. Железнова, проф. М.М. Ковалевского и др. Т. 26. – Москва: т-во «Бр. А. и И. Гранат и К°», 1910-1948. – 640 с.
22. *Ядринцев Н. М.* Сибирь, как колония: К юбилею трехсотлетия: Современное положение Сибири. Ее нужды и потребности. Ее прошлое и будущее. – Санкт-Петербург: тип. М.М. Стасюлевича, 1882. – 471 с.

Тихоньких Виктор Петрович – историк, независимый исследователь, (г. Абакан, Россия), victor.tikhonkikh@mail.ru

GENESIS OF THE KULAK IN THE SYSTEM OF RUSSIAN AGRARIAN RELATIONS

V. P. Tikhonkikh

According to Stolypin's agrarian reform, the transition from communal to individual farming inevitably led to the stratification of the peasantry into landowners, including kulaks, and landless farmhands. Stolypin sought to capitalize the countryside by relying not only on wealthy

peasants but also on kulaks. According to his logic, the kulaks, with their entrepreneurial spirit, could accumulate enough capital to buy back the land from the landowners and implement advanced technologies to increase the productivity of their farms, as well as to develop trade and banking in rural areas. However, the kulaks were not naturally suited to become farmers, and Stolypin's idea of transforming the kulaks into farmers proved to be unsuccessful. The author of the article views the kulaks as a parasitic class of the rural bourgeoisie, formed through the exploitation of the needs of the working peasantry in Russia. Its existence was based on usury and the ruthless exploitation of its fellow villagers.

Keywords: P. A. Stolypin, kulak, landowner, social class, community, peasantry, farmer.

References

1. *Avrekh A. Ya.* P. A. Stolypin i sud'by reform v Rossii [P. A. Stolypin and the Fate of Reforms in Russia]. – Moscow: Politizdat, 1991. – 285 p. (In Russ.)
2. *Gvozdev R.* Kulachestvo-rostovshchичество, ego obshchestvenno-ehkonomicheskoe znachenie [Kulak-Usury, Its Socio-Economic Significance]. – Saint Petersburg: N. Garin, 1898. – 161 p. (In Russ.)
3. *Gogol' N. V.* Mertvye dushi. Poema [Dead Souls. A Poem]. – Moscow: Moskovskij rabochij, 1982. – 382 p. (In Russ.)
4. *Gordon A. V.* Formirovanie khozyajstvuyushchej lichnosti v poreformennoj rossijskoj derevne i otrazhenie ehtogo protsessa v sovremennoj literature [The Formation of an Economically Active Personality in the Post-Reform Russian Village and the Reflection of This Process in Contemporary Literature] // *Zazhitochnoe krest'yanstvo Rossii v istoricheskoy retrospektive: Materialy XXVII sessii Simpoziuma po agrarnoj istorii Vostochnoj Evropy* [The Prosperous Peasantry of Russia in Historical Retrospect: Materials of the XXVII Session of the Symposium on the Agrarian History of Eastern Europe]. – Vologda, 2000. – 428 p. (In Russ.)
5. *Tolkovyj slovar' russkogo yazyka: sovremennoe napisanie* [Explanatory Dictionary of the Russian Language: Modern Spelling] / V. I. Dal'. – Moscow: AST, 2007. – 759 p. (In Russ.)
6. *Ermolov A. S.* Neurozhaj i narodnoe bedstvie [Crop Failure and National Calamity]. – Saint Petersburg: Tipografiya V. Kirshbauma, d. Ministerstva Finansov, na Dvortsovoj ploshchadi, 1892. – 271 p. (In Russ.)
7. *Koshko I. F.* Melkij narodnyj kredit kak moguchee sredstvo bor'by s obe'dneniem nashego krest'yanina [Small People's Credit as a Powerful Means of Combating the Impoverishment of Our Peasant] // *Koshko I. F. Vospominaniya gubernatora. Perm' (1911-1914)* [Memoirs of a Governor. Perm (1911-1914)] / Comp. by N. G. Pavlovskij. – Ekaterinburg: Demidovskij institut, 2007. – pp. 317-318. (In Russ.)
8. *Levakin A. S.* O genezise i sotsial'noj sushchnosti kulachestva v rossijskoj derevne (XVIII – nachalo XX vv.) [On the Genesis and Social Essence of the Kulaks in the Russian Village (18th – Early 20th Centuries)] // *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie Luchshie rechi* [Historical, Philosophical, Political and Legal Sciences, Cultural Studies and Art History Best Speeches]. – Moscow: AST, 2022. – 448 p. (In Russ.)
9. *Leninskij put' donsnoj stanitsy* [The Leninist Path of the Don Stanitsa]. – Rostov-on-Don: Kn. izd-vo, 1970. – 275 p. (In Russ.)
10. *Matyushenko P. P., Ratushnyak V. N.* Sel'skokhozyajstvennaya i zemel'naya perepis' 1917 g. kak istochnik sotsial'no-ehkonomicheskoy kharakteristiki sel'skogo naseleniya Kubani nakanune sotsialisticheskoy revolyutsii [The Agricultural and Land Census of 1917 as a Source of Socio-Economic Characteristics of the Rural Population of the Kuban on the Eve of the Socialist Revolution] // *Oktyabr'skaya revolyutsii i izmeneniya v sotsial'nom oblike sel'skogo naseleniya Dona i Severnogo Kavkaza (1917-1929 gg.). Sb. nauch. trudov* [The October Revolution and Changes in the Social Image of the Rural Population of the Don and the North Caucasus (1917-1929). Collection of Scientific Papers]. – Krasnodar, 1984. – pp. 13-42. (In Russ.)
11. *Nastol'nyj ehntsiklopedicheskij slovar'* [Desktop Encyclopedic Dictionary]. Vol. IV. – Moscow, 1896. – 675 p. (In Russ.)

12. *Perkhavko V. B.* Torgovyy mir russkogo srednevekov'ya v bylinakh [The Commercial World of the Russian Middle Ages in Byliny] // *Otechestvennaya istoriya* [National History]. – 2007. – No. 6. – pp. 28-39. (In Russ.)
13. *Pushkin A. S.* Sobranie sochinenij: v 10-ti t. [Collected Works: in 10 vols.] / A. S. Pushkin. Vol. 5. – Moscow: Pravda, 1981. – 446 p. (In Russ.)
14. *Saltykov-Shchedrin M. E.* Melochi zhizni [Little Things of Life] // *Sobr. soch. v 10-ti tt.* [Collected Works in 10 vols.]. Vol. 9. – Moscow, 1988. – 558 p. (In Russ.)
15. *Slovar' Akademii Rossijskoj 1789-1794: v 6 t.* [Dictionary of the Russian Academy 1789-1794: in 6 vols.] / Rossijskaya akademiya nauk, Otdelenie literatury i yazyka, Moskovskij gumanitarnyj institut im. E. R. Dashkovej. Vol. 1. – Moscow: Izd-vo MGI im. E. R. Dashkovej, 2001. – 685 p. (In Russ.)
16. *Slovar' russkogo yazyka XI-XVII vv.* [Dictionary of the Russian Language of the 11th-17th Centuries] / AN SSSR. In-t russkogo yazyka; Redkol: S. G. Barkhudarov (otv. red. i dr.); Sost. G. A. Bogatova i dr. – Moscow: Nauka, 1981. – 351 p. (In Russ.)
17. *Stolypin P. A.* Polnoe sobranie rechej v Gosudarstvennoj dume i Gosudarstvennom sovete 1906-1911 gg. [Complete Collection of Speeches in the State Duma and State Council 1906-1911] / Preface by K. F. Shatsillo; Comp. and comments by Yu. G. Fel'shtinskij. – Moscow: Molodaya gvardiya, 1991. – 411 p. (In Russ.)
18. *Khromov P. A.* Ocherki ehkonomiki feodalizma v Rossii [Essays on the Economy of Feudalism in Russia]. – Moscow, 1957. – 368 p. (In Russ.)
19. Kulak. Zverinyj tip cheloveka kak propagandaistiskij obraz geroya «Novoj» Rossii [The Kulak. The Bestial Human Type as a Propaganda Image of the Hero of the "New" Russia] [electronic resource] // LiveJournal. – URL: <https://pbs990.livejournal.com/157326.html> (last request: 24.04.2026). (In Russ.)
20. *Ehngel'gardt A. N.* Iz derevni. 12 pisem. 1872-1887 [From the Village. 12 Letters. 1872-1887]. – Moscow: Gos. izd-vo sel'skokhozyajstvennoj literatury, 1956. – 490 p. (In Russ.)
21. *Ehntsiklopedicheskij slovar' t-va «Br. A. i I. Granat i K°»* [Encyclopedic Dictionary of the "Br. A. and I. Granat and Co." Partnership] / Ed. by prof. V. Ya. Zheleznova, prof. M. M. Kovalevskogo i dr. Vol. 26. – Moscow: t-vo «Br. A. i I. Granat i K°», 1910-1948. – 640 p. (In Russ.)
22. *Yadrintsev N. M.* Sibir', kak koloniya: K yubileyu trekhstotletiya: Sovremennoe polozhenie Sibiri. Ee nuzhdy i potrebnosti. Ee proshloe i budushchee [Siberia as a Colony: For the Tercentenary: The Current Situation of Siberia. Its Needs and Requirements. Its Past and Future]. – Saint Petersburg: tip. M. M. Stasyulevicha, 1882. – 471 p. (In Russ.)

Tikhonkikh Viktor Petrovich – historian, independent researcher, (Abakan, Russia), victor.tikhonkikh@mail.ru

Статья поступила в редакцию: 22.06.2026; принята к публикации: 02.07.2026.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Тихоньких В. П. Генезис кулачества в системе российских аграрных отношений // Социогуманитарные коммуникации. – 2026. – № 3(17). – С. 53-65.

FOR CITATION:

Tikhonkikh, V. P. Genezis kulachestva v sisteme rossijskih agrarnyh otnoshenij [The Genesis of the Kulaks in the System of Russian Agrarian Relations] // Sociogumanitarnye kommunikacii [Social and humanitarian communications]. 2026. № 3(17). P. 53-65.